

И. К. Ким

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБОБЩАЮЩИХ ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

Статья посвящена представлению современными польскими историками первых лет становления советско-польских отношений. Показана специфика подходов и оценок польских авторов к проблеме формирования советско-польской границы, советско-польской войны, ее итогов и последствий.

Ключевые слова: история Польши, советско-польские отношения, советско-польская война.

I. K. Kim

DEVELOPMENT OF SOVIET-POLISH RELATIONS IN GENERALIZING WORKS OF MODERN POLISH HISTORIANS

The article is devoted to the modern Polish historians' vision of the first years of Soviet-Polish relations development. The author emphasizes the specific character of Polish authors' approaches to the problem of the Soviet-Polish border formation, the Soviet-Polish War, its results and consequences.

Keywords: history of Poland, Soviet-Polish relations, Soviet-Polish War.

Представление одних и тех же исторических событий, фактов и процессов может быть весьма разным. Например, рассмотрение в обобщающих трудах польских авторов по истории Польши за последние два десятилетия становления советско-польских отношений от Октябрьской революции до начала 1920-х гг.

Анализируемые нами работы являются научно-популярными, отличаясь по объему, рассматриваемому периоду (вся польская история, последние 200 лет), полноте охвата (история в целом, политическая история), предназначению (для интересующихся историей, для школ, для польской диаспоры), месту и языку издания (в Польше на польском языке, в Польше на разных языках, включая русский, в России как перевод польского издания). Авторами разделов о событиях рубежа 1910—1920-х гг. являются известные польские историки, специалисты по польской истории межвоенного периода П. Вечоркевич, Я. Жарын, Е. Хольцер и Т. Наленч, придерживающиеся разных методологий и политических взглядов. В трудах этих авторов упоминания о советско-польских отношениях имеют место на фоне раскрытия ими истории

Польши. Представление этих отношений польскими авторами отличает другой (в сравнении с российской историографией) взгляд, иные акценты, приоритеты.

Для демонстрации взглядов польских авторов были выбраны следующие сюжеты: борьба возрожденного в 1918 г. Польского государства за определение своих восточных границ (1); советско-польская война (2); Польша (3); Рижский мир 1921 г., итоги и последствия войны (4).

1. Польские авторы рассматривают проблему формирования восточных границ Польши с позиций характерного для польского менталитета национального подхода. Правомерность борьбы за границы выводится из необходимости конституировать возрожденное польское национальное государство в борьбе против агрессивных соседей — России и Германии. «Решение о границах польского государства с самого начала осложнялось их временным характером. Это касалось и границ с Советской Россией» [1, с. 403], — отмечает Е. Хольцер одну из основных проблем определения границ Польши.

Польские авторы противопоставляют имперские устремления России и противоположные им национальные устремления поляков к независимости. Я. Жарын пишет, что независимое существование Польши «оспаривала прежде всего Россия, ибо как белые (республиканцы и армия под командованием царских генералов), стремившиеся к восстановлению могущественной России, которая существовала до 1914 г., так и красные (большевики), провозгласившие лозунг всемирной пролетарской революции, в независимой Польше видели своего главного врага и препятствие на пути к достижению своих целей» [2, с. 232]. П. Вечоркевич в этой связи цитирует слова Пилсудского о сути политики России: «...несмотря на то, какое будет ее правительство, Россия бешено империалистическая» [3, с. 94].

Исходя из такого понимания политики России, польские авторы обращают внимание на то, что отношения Польши и Пилсудского как «начальника государства» к России не однозначно диктовались антикоммунизмом, а, скорее, были обусловлены противодействием возрождению мощи и державности России независимо от того, будет ли Россия белой или красной. Они подчеркивают нескоординированность действий российской контрреволюции и Польши против Советской России. Т. Наленч, например, пишет о событиях 1919 г.: «Осенью военные действия были практически прерваны. Пилсудский ждал разрешения гражданской войны, в которой „белые“ казались ближе к победе. Генерал Деникин готовился к решающему наступлению на Москву. По его просьбе Антанта требовала от Пилсудского наступления на Мозырь, что должно было предпринять поражение большевиков. Но Пилсудский не хотел триумфа „белой“ России. Боялся ее силы и хороших отношений с Западом. <...> Тем самым он уклонился от помощи Деникину. Более того, доверительно проинформировал Ленина, что тот может рассчитывать на фактическое перемирие. В результате большевики бросили снятые с

польского фронта части против Деникина и нанесли им поражение» [4, с. 336—337].

Перемирие на советско-польском фронте отнюдь не означало стратегического партнерства Польши с Советской Россией. «Пилсудский при этом отверг щедрые предложения полномочного представителя Ленина Юлиана Мархлевского, отдавая себе отчет, что за ними стоит лишь желание выиграть время и усыпить бдительность будущего объекта советской экспансии» [3, с. 95], — добавляет П. Вечоркевич.

В обобщающих трудах польских авторов подчеркивается отсутствие в руководстве Польши единого мнения относительно ее восточной границы: в верхах противоборствовали две концепции — инкорпоративная и федеративная. Первую представлял близкий к Антанте лидер национальных демократов Р. Дмовский, который, по словам П. Вечоркевича, ограничивал «...польские устремления землями, захваченными Россией во втором и третьем разделе, исходя из предположения, что инкорпорация более дальних территорий (потерянных ранее) создаст трудности в быстрой полонизации украинского и белорусского меньшинства» [3, с. 94]. Автором второй концепции был Ю. Пилсудский, которая в изложении Т. Наленча выглядела следующим образом: «Ослабленной России он хотел навязать собственное решение, принципиально меняющее расклад сил в центральной и восточной Европе. Он считал, что представляется исключительный шанс оторвать от России территории, на которых проживают другие народы, поддержать их государствообразующие действия и связать с Польшей узами федерации. В восточноевропейской общности он видел Литву, Украину, Беларусь. В самых смелых своих намерениях он устремлялся от Финляндии к государствам Кавказа. <...> Идею он связывал с исторической идеей ягеллонской Речи Посполитой. <...> Восточноевропейский союз затруднил бы восстановление мощи России, оттолкнул ее от Европы и вынуждал искать добычи в Азии» [4, с. 332].

Для П. Вечоркевича важным было трагическое обстоятельство — участие поляков в

братоубийственной войне по обе стороны фронта. Упомянув белую армию в гражданской войне в России, он пишет, что в ее составе «сражались также две польские части». Одновременно им отмечалось, что «довольно большое число поляков сражались также по другую линию фронта, в Красной Армии, несколько же бывших деятелей СДКП и ППС-Левыцы, которые объединились, создав Коммунистическую рабочую партию Польши, хорошо послужили кровавому укреплению власти большевиков (в частности Дзержинский и Уншлихт)» [3, с. 94].

Вовлечение Польши в гражданскую войну в России Т. Наленч объясняет амбициозными планами Пилсудского по реализации его федеративной концепции, которые «...могли быть осуществлены только путем войны. Лишь военное поражение вынудило бы Россию отступить из Европы. Добровольно не согласилось бы на это ни одно российское правительство, также коммунистическое» [4, с. 332]. П. Вечоркевич обосновывает вмешательство Польши в события на территории бывшей Российской империи обеспокоенностью судьбами поляков на так называемых восточных кресах: «Трудно также было пассивно наблюдать за прогрессирующим истреблением польского населения на кресах, совершающимся революционизированным крестьянством или тамошними националистами» [3, с. 94]. Последнее замечание позволяет обратить внимание на еще одну особенность представления событий польскими авторами в период определения восточных границ Польши — акцент на сложный расклад национальных и политических сил на этих территориях. Здесь сражались друг против друга (и нередко все против всех) силы российской революции (вместе с поддерживавшими их местными коммунистами) и контрреволюции разных направлений, национальные правительства — украинские (Западноукраинской Народной Республики и Украинской Народной Республики), белорусское (Белорусской Народной Республики), литовское (Тарибы). Характерно, что польские историки не делают различий между российскими большевиками и украинскими, белорусскими, литовскими коммунистами (которых они также

называют большевиками). Последние представляются как инструменты политики большевистских властей России.

2. В анализируемых работах их авторы предпочитают называть войну польско-российской или реже польско-советской, хотя представляется, что именно последняя нечасто используемая в Польше формулировка наиболее точно отражает характер противостояния. Саму же войну польские авторы не ограничивают рамками только 1920 г., а рассматривают ее как вооруженный конфликт с начала существования польского государства и его борьбы за восточные границы, т. е. с рубежа 1918—1919 гг.

Как уже упоминалось выше, польские авторы не увязывают действия Польши с действиями сил российской контрреволюции. Начало активной фазы советско-польских военных действий в 1920 г. обосновывается с военно-политической точки зрения сохранением состояния конфликта с разгромившей основные силы контрреволюции Советской Россией, а с юридической — заключением соглашения Польши с правительством Украинской Народной Республики С. Петлюры. «Поражение, которое потерпел Деникин осенью 1919 г., вынудило поляков предпринять военные операции, тем более что готовилась к ним заметным образом и противная сторона. Политические предпосылки к наступлению дало соглашение, заключенное Пилсудским 21 апреля 1920 г. с атаманом Семеном Петлюрой, стоявшим во главе Украинской Народной Республики, у которой большевики отобрали Киев. <...> Юридически опираясь на договор, польские войска двинулись затем на восток, чтобы нести освобождение уже поработанным большевиками народам. Результаты польско-украинского союза оказались, однако, намного меньше ожидавшихся. Правда, превентивный удар Пилсудского... привел 7 мая к легкому освобождению Киева, но оказалось, что перед лицом всеобщей апатии, господствовавшей на совершенно опустошенной Украине, ее легальная национальная власть пользуется весьма умеренной поддержкой» [3, с. 96], — пишет П. Вечоркевич.

Наступление Красной Армии в 1920 г. трактуется польскими историками преимущественно как проявление экспорта большевиками революции. П. Вечоркевич полагает: «Ленин и руководящий военными делами в его правительстве Лев Троцкий были убеждены в необходимости продолжения кампании вплоть до полной победы. <...> Дополнительным двигателем действий советских армий была надежда, что получение общей границы

с Германией разбудит там революционные силы и сделает возможным совершение коммунистического переворота» [3, s. 96]. Пилсудский, по мнению Е. Хольцера, опасался в 1920 г. вторжения большевиков «во имя идеи переноса революции на штыках в Германию и далее на запад» [1, с. 401]. Т. Наленч подчеркивает, что после завершения в основном гражданской войны «большевики вернулись к плану экспорта революции». Цитируя приказ Тухачевского перед наступлением на Варшаву, этот автор продолжает: «Подпитывание революции в Германии, где борьба за власть еще не разрешилась, могло угрожать всему версальскому порядку и привести к победе коммунизма

в Европе. Это означало бы конец независимости Польши» [4, s. 338]. Я. Жарын добавляет и иные акценты для оценки советских военных действий против Польши: «На весть о захвате Киева большевики, отказавшись от революционной фразеологии, выступили с патриотическими лозунгами об угрозе, нависшей над Великой Русью, что и склонило часть офицеров разгромленной белой армии к взаимодействию с ними» [2, с. 234].

3. Однозначны оценки польских авторов Временного польского революционного комитета (Польревкома), советских гражданской администрации и репрессивных органов на польской территории. Я. Жарын пишет: «В районах, занятых большевиками, начали действовать революционные трибуналы, державшие в страхе окрестное население; помещиков убивали, а их поместья передавались крестьянам в надежде обрести в них опору новой власти» [2, с. 234—

235]. Членство в Польревкоме поляков, в частности Ю. Мархлевского и Ф. Дзержинского, рассматривается как предательство, а сам комитет представляется как насажденный Россией в ее целях, среди которых называлось установление коммунистического режима, а также новый раздел Польши. «На занятых территориях создавался суррогат коммунистической власти в виде Временного революционного польского комитета <...>. ...и Галицийского революционного комитета, что указывало не только на стремление большевизации Польши, но и ее нового раздела» [3, s. 96], — пишет П. Вечоркевич. Е. Хольцер формулирует, по его мнению, конечные цели России в период наступления Красной Армии: «...большевики вели политическую подготовку к установлению в Польше коммунистического режима» [1, с. 402].

Наряду с Польревкомом отрицательно трактуется деятельность Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП), единственной из польских партий, поддержавшей советские действия в отношении Польши: «Имеющая до этого некоторое влияние КРПП оказалась в полной изоляции, воспринималась всем обществом как вражеская агентура» [3, s. 96]; «С большевиками сотрудничала только КРПП, за что ее встречало жесткое осуждение со стороны общества» [4, s. 339].

4. Оценка итогов войны, Рижского мира 1921 г. у польских авторов однозначна — это победа Польши. Такая оценка основывается прежде всего на выводе о том, что победа способствовала утверждению независимости Польши. На это и ряд следствий победы для Польши и народов Европы указывает Т. Наленч: «Условия мира были выгодными для Польши. Огромным было также значение победы. Она спасла суверенитет и национальную идентичность. Польша, включенная как советская республика в Россию, познала бы все катастрофы, которые пали на народы, управляемые большевиками. Победа... [польского короля Яна Собеского над турками под Веней. — И. К.] позволила поверить в свои силы. Она перечеркнула традицию поражения, угнетавшую общество в период разделов» [4, s. 342].

Другие авторы также подчеркивают общеевропейское значение победы Польши. По мнению

П. Вечоркевича, она предопределила «окончательное фиаско вооруженного экспорта коммунистической революции, избавив от нее на несколько десятков лет Центральную Европу, а может и Западную» [3, s. 97]. Я. Жарын указывает на изменение соотношения сил в Европе: «...становление независимой Польши стабилизировало политическое положение в той части Европы, судьбами которой на протяжении последнего столетия вершили две агрессивные державы — Россия и Германия» [2, с. 238]. «Победа над большевиками повлияла на судьбы всей Европы. Она свела на нет планы экспорта революции, что предопределило поражение коммунизма в Германии и тем самым в других регионах континента. Рижский трактат стал важным дополнением версальского договора...» [4, s. 342], — пишет Т. Наленч еще об одном аспекте воздействия победы на ситуацию в Европе.

Оценивая следствия победы Польши в войне с Советской Россией, современные польские авторы высказывают сходное мнение о победе инкорпоративной концепции. П. Вечоркевич констатирует «...триумф так называемой инкорпоративной программы Дмовского» [3, s. 97]; «Рухнула федеративная концепция Пилсудского, что облегчило разгром украинской армии под командованием Петлюры» [2, с. 236], — пишет Я. Жарын. Т. Наленч представляет итоги и следствия противоборства двух концепций: «Нереальными оказались, однако, федеративные планы. Россия была отодвинута, но не разбита, без чего не могло быть речи о федерации, тем более что без энтузиазма отнеслись к ней восточноевропейские народы. Литовцы не скрывали враждебности, да и украинцы без желания восприняли идею связи с Польшей. У крестьян она ассоциировалась с преобладанием польских помещиков и блокированием аграрной реформы. Интеллигенция боялась полонизации. В результате Пилсудский вынужден был удовлетвориться реализацией эндецкой инкорпоративной концепции» [4, s. 342].

Польские авторы выявляют, как итоги войны повлияли на внешнюю политику Польши и

последующие советско-польские отношения. Е. Хольцер рассматривает это сквозь призму плана создания федерации государств Центральной Европы: «...мечты сторонников идеи центральноевропейской федерации оказались несбыточными, на ее реализацию у Польши не было сил, не было и партнеров для будущего союза. Напротив, противоречия между Польшей и всеми ее этническими соседями обострились. Поборники инкорпорации имели на первый взгляд гораздо больше сторонников. Они рассчитывали, однако, прежде всего на падение большевиков и на возможность соглашения с ослабленной и демократической Россией, на союз с Францией и хорошие отношения с Чехословакией, чтобы противодействовать самой значительной внешнеполитической опасности — германской» [1, с. 404—405].

«Гарантию безопасности Польши предоставляло новое соотношение международных сил, называвшееся обычно версальским порядком. <...> Это была ненадежная конструкция, тем более что открыто против нее выступали Германия и Россия, что предвещало Польше самое худшее. В этой ситуации Варшава искала союзника в Париже. <...> В феврале 1921 г. в результате визита Пилсудского на Сену подписан польско-французский союз, направленный против Германии. Менее охотно Франция вовлекала себя в защиту границы с Россией, где Польша должна рассчитывать на собственные силы и на союз с Румынией, заключенный в марте 1921 г.» [4, s. 350], — пишет Т. Наленч.

Итак, представление процесса становления советско-польских отношений в первые годы после Октябрьской революции в России, восстановления независимости Польши и окончания Первой мировой войны современными польскими историками отличается от того, как это делается в российской историографии. Не следует в этом случае говорить о фальсификации истории, т. е. преднамеренном искажении исторической действительности. Для установления причин отличий в подходах, оценках, акцентах, умолчания одних явлений или выдвижения на первый план других необходимо понять их

истоки, которые лежат в разнице менталитетов, исторических и культурно-религиозных традиций народов, специфике национальных историографий. Расхождения в трактовке исторических реалий прежде всего обусловлены разницей в подходах — государственническом, классовом или национальном.

Список библиографических ссылок

1. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
2. Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.
3. Ejsler J., Szwarc A., Wieczorkiewicz P. Dzieje polityczne ostatnich dwustu lat. Warszawa, 1997.
4. Historia powszechna / Historia Polski. T. 11. Polska. 1831—1939. Warszawa, 2007.

© Ким И. К., 2013